



Никита Никитин

Баба Дуся говорила

18+

Никита НИКИТИН

Баба Дуся говорила

«Автор»

2026

Никитин Н.

Баба Дуся говорила / Н. Никитин — «Автор», 2026

Есть деревни, которых нет на картах. Есть дороги, по которым лучше не ездить ночью. И есть люди, которые знают о них больше, чем нужно живым. Баба Дуся — одна из таких. Она живёт на краю Глухова, у самого леса, и не отказывает тем, кто приходит к ней с вопросами. Только вот ответы её вряд ли кого-то успокоят. Потому что в этих краях нечисть не прячется в сказках. Она стоит у обочины, дышит под половицами, смотрит из колодца и ждёт, когда вы отзовётесь на своё имя. Эта книга — двадцать историй, рассказанных шёпотом на завалинке. О том, что ходит за плугом, о тех, кто вернулся с войны не один, о белой воде, которая показывает то, чего не должно быть, и о дорогах, которые не отпускают. Не читайте эту книгу перед сном. А если прочитали — не открывайте дверь, когда в неё постучат. Даже если голос покажется знакомым. Особенно если он покажется знакомым.

© Никитин Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
1. Глухой	6
2. Мокрая межа	7
3. Белая вода	8
4. Дом на сваях	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Никита Никитин

Баба Дуся говорила

Предисловие

Эту книгу не стоило писать. Но раз вы держите её в руках, значит, кто-то из нас не удержал язык за зубами.

Все истории, что здесь собраны, рассказаны одной женщиной. Зовут её баба Дуся. Живёт она в деревне Глухово, что спряталась между лесом, рекой и старым трактом. Места там тихие, но не добрые. И люди там не злые, но знающие. А знание это — особого рода. Его не в школе дают и не в церкви. Его передают шёпотом, на завалинке, когда стемнеет.

Однажды в Глухово приехали двое — Сергей и Оля. Молодая пара из города. Снимали дом на краю деревни, думали отдохнуть от суеты. А получилось — наслушались такого, что теперь и в город не хочется возвращаться. Не потому что страшно там. А потому что здесь страшно так, что уже не отличить, где ты, а где оно.

Баба Дуся их не пугала. Она просто отвечала на вопросы. А вопросы они задавали правильные. Или неправильные — это смотря с какой стороны посмотреть.

Все истории, что вы прочитаете, рассказаны ею. Сергей и Оля слушали, записывали, а потом передали мне. Я же просто собрал всё в одно место, ничего не добавляя. Ну, почти ничего.

Если после прочтения вам покажется, что в вашем доме кто-то ходит, — не спешите открывать. Возможно, это просто ветер. А возможно, баба Дуся уже рассказала о вас кому-то ещё.

1. Глухой

Сергей и Оля приехали в Глухово под вечер. Пока выгружали вещи, стемнело. Дом им сдали на окраине, у самого леса. Хозяйка, тётка с бегающими глазами, быстро показала, где вода, где печка, и ушла, не оглядываясь.

Вечером молодые вышли на улицу. На завалинке у соседнего дома сидела старуха. Платок, тёмная юбка, руки как корни. Это и была баба Дуся.

— Добрый вечер, — сказала Оля. — А вы местная?

— Местная, — кивнула старуха. — А вы, стало быть, отдохнуть приехали?

— Да, — сказал Сергей. — Хотим тишину послушать.

Баба Дуся усмехнулась.

— Тишина у нас разная бывает. Особенно ночью. Вы вот ложитесь сегодня спать и слушайте. Только на голос не отзывайтесь.

— В смысле? — не понял Сергей.

— Про Глухого слышали? — спросила баба Дуся и прищурилась. — Нет. Ну дак слушайте.

Есть у нас, в Глухове, тварь одна. Названия ей не давали, а кто и называл, тот недолго жил. Приходит оно на звук имени. Не на своё — на человеческое. Вот зовёт мать ребёнка с улицы: «Ванька, домой!» или бабка внучку: «Олька, неси воду!» — а оно слышит. Запоминает. И с той поры имя это как приманка. Сначала тихо, издалека, из-за кустов: «Ванька-а-а...» — голос точь-в-точь материн, только как сквозь вату. Будто кто в уши тебе дышит.

Тот, кто откликнется, — пропал. Может, идёт на голос, как телёнок на верёвке. А может, на месте остаётся, но голос свой ему уже не принадлежит. Глухой — оно потому и глухой, что чужие голоса крадёт. Не слышит ничего, кроме имён.

Баба Дуся замолчала, пожевала губу, словно проверяя, готовы ли они слушать дальше. Потом подняла палец — кривой, как сучок.

— Вот у нас соседка, Марья, жила через три двора. Сын у неё был, Витька, годов шесть. Шустрый такой, всё по оврагам лазил. Мать его, бывало, как стемнеет, выйдет на крыльцо и кричит: «Витька-а, домой!» А он из крапивы вылезает, лохматый, грязный, смеётся. Вот и докричалась.

Однажды вечером зовёт его — не идёт. Она громче: «Витька!» Молчок. Пошла искать по деревне. Нету. У реки, у колодца, у старой межи — нигде. К ночи всем селом искали. Не нашли.

А через год пошёл мужик в лес за дровами, подальше, где осинник густой. Смотрит — стоит человек. Одежда целая, руки-ноги на месте, а лица нет. Не в смысле что нет, а пустое, как у куклы. Рот открыт — и беззвучно так хватает воздух, будто рыба. Глаза белые, навывкате. А из горла у него мох растёт. Не снаружи прилип — изнутри, из самой глотки, зелёный, мшистый, как из сырого дупла. Подошёл мужик ближе, окликнул — а тот не слышит. Только голову повернул и рот открывает, будто спеть хочет. А изо рта — ни звука, только мох шевелится, как от ветра, хотя ветра-то и не было.

Это и был Витька. Марья потом его признала. По родинке на шее. А он её не признал. И не слышал, как она выла у него над ухом. Только стоял и рот открывал. Говорят, до сих пор там стоит, у осинника. Только теперь уже и мох из глазниц лезет.

Баба Дуся повернулась к ним, и в сумерках её лицо стало похоже на кору старой липы.

— Вы вот смеяться будете, а я вам так скажу: коли услышите, как зовёт кто по имени, а голос как сквозь вату, — не отзывайтесь. Даже если мать. Даже если я. Особенно если я, — она усмехнулась, но глаза её не смеялись. — Потому что я-то, может, уже и не я вовсе.

2. Мокрая межа

На следующий вечер Сергей и Оля снова пришли к бабе Дусе. Оля долго не решалась спросить, но наконец сказала:

— Баба Дуся, а ещё что-нибудь страшное знаете? Ну, чтобы прям...

Старуха глянула на неё и кивнула на поле за оврагом.

— Вон туда не ходите. Там межа есть, старая. Мокрая межа. Не наступайте на неё, а уж спать там и подавно не вздумайте.

Земля там живая. Не в том смысле, что дышит, а в том, что помнит. Через ту межу раньше покойников носили, когда кладбище за рекой тепло. Не всех, правда. Только тех, кто сам не своей смертью ушёл: утопленников, висельников, замёрзших в лесу. Их прямо по меже тащили, чтобы живой дорогой не мешать. Вот земля и пропиталась.

Она замолчала, закуталась в платок. Ветер прошёл по траве, и звук был такой, будто кто-то длинными пальцами провёл по холке огромного спящего зверя.

— Был у нас парень, — продолжила баба Дуся. — Коля, кузнецов сын. Здоровый, шея как у быка, и гонору много. Пospорил с друзьями, что переночует на той меже. Один, до утра. Друзки его отговаривали, а он смеялся: «Да что там, трава как трава». Взял тулуп, бутылку, ушёл.

Утром не вернулся. И на следующее утро тоже. Мать его, тётка Лукерья, с ума сходила, мужики искать ходили. Нашли только бутылку на меже, пустую, и тулуп — разорванный, будто изнутри когтями драли.

А на третье утро он сам пришёл. Стоит у калитки, улыбается. Мать к нему кинулась, плачет, обнимает. А он стоит — и не моргает. Глаза сухие, как у пыли. Она его: «Коленька, сыночек, что с тобой?» А он молчит. Только улыбается. И шея у него набок свёрнута, будто кто-то держит голову и поворачивает, чтобы лучше её разглядеть.

Решили — тронулся умом. Посадили в доме, заперли. Думали, отойдёт. А он ночью встал и пошёл. Двери с петель снёс, как щепку сдул. Идёт по деревне босиком, улыбается, и пальцы у него все в земле, а под ногтями — мокрое, чёрное.

Шёл к реке. Мужики догнать не могли, он как будто не идёт, а скользит. Утоп? Нет. Встал у воды и начал заходить. Тихо так, по колено, по грудь, а потом обернулся. И тут все, кто рядом был, отшатнулись. Лицо у него было не его. Не то чтобы чужое, а как будто под кожей что-то жило и теперь смотрело его глазами. Улыбка шире стала, как трещина в глине, и он сказал — голосом не своим, а тонким, словно из-под земли: «Идите ко мне. Тут тепло».

Больше его не видели. А межа та на следующий год ещё шире стала. Трава на ней не растёт, только мох, и тот мокрый всегда, даже в сушь. Люди туда не ходят. А если кто с поля припозднится, слышит, как с той стороны зовут по имени. Тихо, ласково, как мать. Но это не мать.

Баба Дуся помолчала и вдруг посмотрела на Сергея.

— А ты чего побледнел? Или у тебя имя лёгкое?

3. Белая вода

На третий вечер Оля спросила про колодец. Баба Дуся замерла, будто вспомнила что-то давно забытое, и посмотрела на старый сруб у дороги.

— Колодцев у нас много, — сказала она. — А вот вода в них разная. В одном — белая бывает. Как молоко. Только не к добру.

Кто той воды напьётся, тот начинает видеть то, чего другие не видят. Не просто тени, не урывками, а всё разом: как между домами ходят те, у кого лиц нет; как по стенам, вверх ногами, ползут длинные, с вывернутыми локтями; как на печных трубах сидят и свешивают вниз ноги, тонкие, как жерди. Видит человек это всё — и не может отвести взгляд. А потом и сам себя видит. И это страшнее всего.

— Была у нас девка, Ленка. Молодая, красивая, брови как сажа. Любопытная, как все молодые. Говорили ей: «Не пей из того колодца, вода там белая, только для беды». А она смеялась. Пошла умыться, набрала пригоршню, глянула — вода как молоко, аж светится. Ну и напилась. Дура.

Первые дни ничего. Ходит, улыбается. А через неделю прибегает к матери: «Мам, а почему у нас по двору человек ходит?» Мать ей: «Какой человек?» А та: «Да вот, в простыне, и голова набок». Мать вышла — никого. Решили, привиделось. А Ленка всё чаще говорит: то на заборе сидит кто-то, ноги свесил; то в колодце кто-то поёт, зовёт её по имени. Родители тревожатся, а понять не могут.

Через месяц Ленка совсем перестала есть. Говорит: «Зачем мне, я же всё равно как стекло. Меня уже видно насквозь». Мать плачет, отец попа звал. Поп пришёл, глянул на неё и отшатнулся. Сказал: «Она не здесь». И ушёл.

А на следующий день Ленка встала и пошла по деревне. Идёт — и не моргает. А у колодца остановилась, улыбнулась и говорит: «Вон он, мой дом. Только я не туда иду». Развернулась и пошла к лесу. Мать за ней бежала, кричала, за рукав хватала. А рука у Ленки была холодная, как у мертвеца. Она обернулась, посмотрела сквозь мать и сказала: «Ты не мамка. Мамку я уже не вижу».

Больше её никто не видел.

Баба Дуся вздохнула и поднялась.

— С тех пор колодец тот забили досками. Да толку? Вода и сквозь доски просачивается. Белая, как простыня, в которой ходят. Вы вот если ночью к нему подойдёте, не заглядывайте. Там, на дне, до сих пор кто-то лежит и смотрит вверх. И ждёт, когда за ним придут.

4. Дом на сваях

Баба Дуся не ушла далеко. Остановилась у калитки, обернулась и сказала, не глядя на них:

— А про дом на сваях слышали? Вон тот, у реки. Туда тоже не ходите. Особенно когда вода высокая.

Дом тот давно пустой стоит. Хозяева его ещё до войны строили, на брёвнах, чтобы половодье не заливало. Высокий, чёрный от времени, как гроб на куриных ногах. Река внизу проходит, а в щели между сваями вода не плещется, а будто дышит.

В позапрошлом лето приехала туда женщина. Городская, с ребёнком. Муж у неё утонул, а она решила: уеду с сыном подальше, перезимую, успокоюсь. Купила дом за бесценок. Никто ей не сказал, почему дёшево.

Первые дни тихо было. А потом мальчик стал говорить, что внизу кто-то скребётся. Ночью, под половицами, будто кто-то ходит по мелкой воде и шарит руками по сваям. Мать спускалась с фонарём — никого. Только вода тёмная, и в ней что-то плывёт в сторону, оставляя длинный след без кругов.

Однажды утром мальчик сказал: «Там дядя стоит». Мать спросила: «Где?» Он показал на люк в полу, в сенях. Она открыла люк, посветила вниз. Там, между сваями, на узкой полоске земли у воды, стоял мужчина. Мокрый, в тине, с опущенной головой. Стоял и не шевелился.

Она закричала, позвала соседей. Пришли мужики с баграми. Никого. Только в грязи остались следы — босые, с длинными, нечеловечески худыми пальцами.

Ночью мальчик разбудил её и сказал: «А теперь он здесь. Стоит у кровати». Мать зажгла лампу. В углу, у печи, стоял он. С головы стекала вода. Капало тихо: кап, кап. Он стоял и смотрел не на неё — на ребёнка. И медленно открывал рот, как рыба, выброшенная на берег.

Она схватила сына и выбежала из дома. Бежала по деревне босиком, в одной рубахе, кричала. Люди потом говорили: следом за ней до самой околицы тянулась мокрая полоса, как будто кто-то полз по росе.

Утром дом заколотили. Но это не помогло. Если встать у реки ночью и прислушаться, слышно, как там кто-то ходит. Не по дому — под домом. И вода не шумит. Она как будто расступается, чтобы его пропустить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.